

Two young women with long, wavy hair are posing together in white nurse costumes. They are wearing white caps with a red cross on the front. The woman on the left has long brown hair, and the woman on the right has long blonde hair. They are both smiling and looking at the camera. The costumes consist of a short-sleeved, button-down top with a deep V-neckline and a matching short skirt. The woman on the right has a red stripe on her pocket. The background is a plain, light-colored wall with a door handle visible on the left.

*Фемдом  
Клиника*

*Александр Эрот*

18+

**Александр Эрот**  
**Фемдом клиника**  
Серия «Эротические истории,  
только для взрослых.», книга 33

*<https://litres.ru/73996554>  
SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

Блестящий архитектор, циничный миллиардер и мужчина, которому женщины не смеют говорить «нет». Для всего мира он — безжалостный хищник, диктующий правила игры. Но за броней скрывается сломленная психика и тайна, способная разрушить его империю. Одно властное женское слово повергает его в парализующий первобытный ужас.

Чтобы не сойти с ума, Марк переступает порог закрытой клиники «Элизиум».

Сбросив маску альфа-самца, Марк с головой окунается в обжигающую бездну подчинения. Каждое ее ледяное слово ранит его самолюбие, а наказание приводит в сводящий с ума экстаз.

Но что произойдет, когда границы между врачом и пациентом, госпожой и рабом сотрутся навсегда? Сможет ли он выжить в реальном мире, познав сладкий яд ее абсолютной власти? И готов ли он заплатить главную цену за любовь, путь к которой начинается с преклонения колен?

Чувственная эстетика БДСМ и противостояние двух сильных личностей. Роман о том, что истинная свобода обретается только через полную капитуляцию.

# Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	10
Глава 2.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Александр Эрот Фемдом клиника

## Пролог.

Истинное удовольствие рождается в ту секунду, когда отпадает необходимость выбирать.

Он усвоил эту истину не сразу. Потребовалось время, чтобы понять: самая тяжелая ноша для мужчины — это его собственная свобода.

За панорамными окнами бушевала ночная гроза, но здесь, в полумраке спальни, освещенной лишь неровным, золотистым пламенем свечей, время текло густо и медленно, как расплавленный мед. Воздух был пропитан запахом дождя, горячего воска и того неповторимого, горьковато-сладкого мускуса, который источала ее кожа.

Он стоял перед ней на коленях, погруженный вслепую, бархатную темноту.

Плотный шелк повязки, стягивающий его глаза, отсекал зрительный мир, до предела обостряя остальные чувства. Он слышал легкий шорох ее платья, скользящего по ковру. Слышал ее ровное, спокойное дыхание. Ощущал тепло, исходящее от ее тела, когда она проходила слишком близко.

Его собственное дыхание было прерывистым. Широкая,

мускулистая грудь тяжело вздымалась. Он был абсолютно наг, и эта нагота, лишенная привычных доспехов статуса и богатства, делала его невыносимо уязвимым. Но вместо стыда по его венам разливался обжигающий, чистый экстаз.

Тяжелый платиновый браслет на его левом запястье тускло блеснул в свете свечей. Единственное украшение. Единственный символ.

Он замер, когда ее прохладные, изящные пальцы коснулись его плеча.

Это прикосновение было легким, почти невесомым, но от него по телу мужчины прошел мощный электрический разряд. Мышцы его спины рефлексивно напряглись, готовые податься навстречу ласке, готовые обхватить ее, подмять под себя, овладеть ею с той хищной силой, которой наделила его природа.

Но он не шелохнулся. Он ждал.

Ее пальцы медленно, с дразнящей неспешностью, заскользили вниз по его позвоночнику. Каждый позвонок отзывался на этот путь тупой, сладкой болью предвкушения. Она изучала его тело так, как скульптор изучает податливую глину — зная каждую впадинку, каждую пульсирующую вену, каждый скрытый нерв.

— Ты напряжен, — ее голос прозвучал совсем рядом, у самого уха. Низкий, бархатный шепот, от которого у него потемнело в глазах под шелковой повязкой.

— Я жду, — хрипло выдохнул он.

— Чего ты ждешь?

— Твоего позволения.

Тихий, довольный вздох сорвался с ее губ. Она обошла его и встала вплотную, так что он почувствовал жар ее живота, коснувшегося его лица. Запах ее возбуждения — терпкий, влажный, первобытный — ударил ему в голову, лишая последних остатков рассудка. Он инстинктивно приоткрыл губы, жадно втягивая этот воздух.

Ее руки мягко легли на его затылок. Пальцы зарылись в темные волосы, чуть сильнее, чем нужно, оттягивая голову назад, обнажая его незащитную шею.

— Сними повязку, — приказала она.

Его руки, которые секунду назад дрожали от сдерживаемого желания, мгновенно взлетели вверх. Он стянул шелк, позволяя приглушенному свету свечей ворваться в его реальность.

Она стояла над ним. Богиня, скинувшая свои одежды. Ее кожа мерцала в полумраке, а в глубоких, темных глазах горел тот самый огонь, ради которого он был готов сжечь весь остальной мир. Она смотрела на него сверху вниз — не с презрением, а с абсолютным, всепоглощающим правом владения. Владения, которое он отдал ей сам.

Он потянулся к ней, обхватывая ладонями ее бедра, и прижался губами к ее теплой, пульсирующей плоти. Это был поцелуй преданности. Акт служения. Он пил ее вкус, наслаждаясь каждым ее вздохом, каждым судорожным движением.

ем ее бедер, направляя всю свою мужскую, сокрушительную энергию лишь на одно — приносить ей наслаждение.

Она запустила ногти в его плечи, выгибаясь дугой, когда его язык нашел самую чувствительную точку.

— Мой... — простонала она, сжимая его в своих объятиях, позволяя ему подняться и, наконец, войти в нее — медленно, глубоко, до самого основания, сливаясь с ней в единый, дышащий монолит.

В этом танце не было победителей и побежденных. Была лишь идеальная гармония, где его сокрушительная сила становилась инструментом ее желаний, а ее абсолютная власть — его единственным убежищем.

Глядя на этого мужчину сейчас — раскинувшегося на смятых шелковых простынях, тяжело дышащего, покрытого испариной и сжимающего ее руку так, словно она была его единственным спасательным кругом в бушующем океане, — было невозможно поверить в одну вещь.

Невозможно было поверить, что завтра утром он наденет безупречный сапфировый костюм и выйдет в город.

Что завтра одно его слово на совете директоров обрушит акции конкурентов.

Что завтра акулы бизнеса будут опускать глаза под его ледяным, хищным взглядом.

Что этот покорный любовник — один из самых жестоких, могущественных и циничных людей в этом городе. Мужчина, который диктует правила всем. Мужчина, который не

подчиняется никому.

Никому, кроме нее.

Но чтобы оказаться здесь, на этих простынях, познав высшую степень свободы через абсолютное рабство, ему пришлось пройти через ад. Ему пришлось сломать себя до основания, выbleвать все свои страхи и посмотреть в лицо демонам, которые съедали его изнутри с самого детства.

Их история началась не с нежности и не с любви.

Она началась ровно год назад. В стерильно-белом коридоре частной клиники. С одной дрожащей подписи на пустом бланке контракта.

# Глава 1.

Он подписал согласие дрожащей рукой — и только глядя на высыхающие чернила, осознал, что в договоре ни разу не встретилось слово «лечение».

Там было другое: «Экспериментальная программа восстановления доверия через управляемую передачу контроля».

Бумага еще хранила тепло его ладони, когда за спиной мягко щелкнул электронный замок. Не громко. Не угрожающе. Почти деликатно.

Но этот звук ударил по оголенным нервам сильнее хлесткого выстрела.

Марк резко обернулся.

Тяжелая дверь кабинета закрылась сама. За матовым стеклом растаял силуэт секретаря в безупречно-белом костюме. В коридорах частной клиники «Элизиум» снова воцарилась та неестественная, плотная тишина, в которой человек отчетливо слышит, как начинает рушиться его собственное эго.

— Это нормально, — произнесла доктор Воронцова.

Ее голос был низким, бархатным, с идеальными паузами. Казалось, она с хирургической точностью знала, в каком именно месте Марка сейчас ломается сопротивление.

Он повернулся к ней — медленно, словно сквозь толщу воды. На вид ей было чуть за сорок. Безупречная осанка,

темные волосы стянуты на затылке в строгий узел, тонкая серебряная нить на шее, ослепительно-белый халат поверх глухого черного платья. В ней не было ни капли нарочитой соблазнительности. И именно поэтому от одного ее присутствия в груди становилось тесно.

Она сидела за массивным столом и не торопясь закрывала папку с его историей.

Марк Левин. Двадцать девять лет. Владелец архитектурного бюро. Лицо с обложек Forbes и GQ. Мужчина, которому женщины начинали улыбаться за секунду до того, как он успевал сказать «привет».

И мужчина, у которого леденели пальцы и темнело в глазах, стоило любой женщине произнести приказным тоном: «Подойди».

— Что именно — нормально? — спросил он, стараясь влить в голос привычный металл. Получилось почти убедительно.

Доктор Воронцова подняла на него взгляд. Темный, нечитаемый.

— Животный страх после согласия. До подписи человек тешит себя иллюзией, что контролирует процесс. После — осознает, что теперь процесс будет контролировать его.

Марк коротко, зло усмехнулся.

— Звучит как дешевый афоризм для вашего рекламного буклета.

— А вы пришли сюда не за буклетом, Марк.

Он хотел ответить резко. Хотел встать, разорвать этот чертов договор, бросить ей в лицо, что все это — элитное шарлатанство с хорошей вентиляцией. Он хотел сделать то, что умел лучше всего: надеть маску безупречности и исчезнуть до того, как кто-то заметит расплзающиеся по нему трещины.

Но вместо этого он опустил взгляд на свои руки.

«У тебя руки творца», — говорили ему. Сильные. Уверенные. Руки, способные чертить линии небоскребов, держать бокал с виски на благотворительном вечере, властно касаться женской талии на светском рауте.

Сейчас эти руки била мелкая, жалкая дрожь.

Доктор это видела. Разумеется, видела.

— Это ваш последний шанс выйти из игры без последствий, — спокойно произнесла она. — Встаньте, подойдите к двери и скажите: «Я отказываюсь». Замок откроется. Деньги вернутся на ваш счет в течение часа. Никто не задаст ни единого вопроса. Вы просто вернетесь в свою жизнь.

Марк судорожно вдохнул.

За панорамным окном хлестал дождь, размывая огни вечерней Москвы в жидкое золото. Клиника занимала верхние этажи старинного особняка. Темный дубовый паркет, латунь, молочно-белые стены, скрытая подсветка. В воздухе пахло сандалом, озоном и дорогим кофе. Все здесь было спроектировано так, чтобы убаюкать бдительность.

Именно эта тотальная безопасность казалась самой смер-

тельной ловушкой.

— Если я выйду сейчас, — глухо сказал он, глядя в окно, — через неделю я сорвусь на инвесторов.

— Возможно.

— Через месяц потеряю главный контракт.

— Вероятно.

— А через год стану таким же ничтожеством, как...

Он осекся. Воздух застрял в горле.

Доктор Воронцова молчала. В этом была почти садистская честность: она не подбрасывала спасательный круг, не заканчивала фразу, не сглаживала острые углы. Она заставляла его смотреть в бездну.

Марк до боли сжал челюсти.

— Как мой отец.

В кабинете стало так тихо, что он услышал стук капель по стеклу.

Отец Марка умер три года назад. Оставил после себя разорившуюся фирму, пустую квартиру с видом на реку и коллекцию невысказанных обид. В детстве Марку казалось, что отец просто очень устал. Позже он понял правду: отец был сломан. Мужчина, который всю жизнь до животного ужаса боялся одну женщину — свою жену, мать Марка, — и потому стал бояться всех женщин мира. Он заискивал, соглашался, пил, прятался, клялся начать все заново.

Марк всей душой ненавидел эту слабость. Он поклялся никогда не стать таким.

А потом, месяц назад, на совете директоров новая финансовая директор — женщина с ледяным взглядом — ровно произнесла: «Марк, сядьте и не перебивайте».

И Марк перестал дышать.

Просто забыл, как это делается.

В ту секунду исчезла переговорная. Исчез стеклянный стол и лица коллег. Он снова оказался на тесной кухне их старой квартиры. Ему семь лет. Он стоит босиком на ледяном кафеле, а мать, медленно вытирая мокрые руки полотенцем, смотрит на него сверху вниз и чеканит:

«Хорошие мальчики не спорят. Хорошие мальчики подчиняются».

С того дня прошло двадцать два года. Но тело, как выяснилось, не имеет срока давности.

— Вы не станете вашим отцом, — разрезал тишину голос Воронцовой.

Он вскинул голову.

— Откуда вам знать?

— Потому что ваш отец выбрал бегство. А вы сегодня выбрали подписать договор.

Марк издал смешок, в котором не было ни капли веселья.

— Договор на то, чтобы меня легально унижали за мои же деньги?

Воронцова впервые улыбнулась. Уголками губ.

— Нет. Договор на то, чтобы вы научились отличать унижение — от подчинения. Насилие — от власти. Липкий

страх — от возбуждения. И тотальный контроль — от доверия.

Последнее слово она произнесла так мягко, что оно прозвучало почти непристойно.

Доверие.

От него веяло смертельной опасностью.

Марк отвернулся к окну. В стекле отражался высокий темноволосый мужчина в сшитом на заказ сером костюме. «Сдержанно-аристократичный», — писали о нем журналисты. Человек, которому открывали любые двери. Фасад, за которым никто не видел замерзшего мальчика на кухне.

— Вы правда считаете, что... — он запнулся, чувствуя всю дикость вопроса. — Что женское доминирование может это вылечить?

— Я считаю, — отрезала Воронцова, — что ваша травма вшита в контакт с женской властью. Годами вы пытались решить проблему двумя путями: либо избегали сильных женщин, либо соблазняли их, чтобы обезоружить и подчинить себе. Ни то, ни другое больше не работает. Система дала сбой.

Она встала.

Это простое движение заставило Марка непроизвольно выпрямить спину.

Доктор не спеша обошла стол. Цоканье каблуков по паркету отдавалось ритмом в его висках. Она остановилась в шаге от него — не вторгаясь в личное пространство, но доста-

точно близко, чтобы он уловил шлейф ее парфюма: сухой ирис, горькое дерево и что-то пронзительно чистое.

— Здесь вы не будете никого соблазнять, Марк.

По шее пополз предательский жар.

— Я и не собирался...

— Будете, — спокойно перебила она. — Это ваш защитный автоматизм. Улыбка хищника, бархат в голосе, легкий наклон головы. Вы превращаете женское желание в свой щит. Но в «Элизиуме» ваше обаяние не даст вам ни грамма преимущества.

Она констатировала это как диагноз. И от этого стало по-настоящему страшно.

— А что даст?

Воронцова протянула руку к столу, взяла тонкий черный браслет и положила его перед ним.

— Честность. Признание своих границ. Стоп-слово. И готовность выполнять указания.

Марк уставился на предмет. Матовая кожа, гладкая стальная пластина без единой гравировки.

— Что это?

— Ваш маркер участника. И нет, это не ошейник, если вы именно об этом сейчас подумали.

Он вскинул на нее злой взгляд. Она снова чуть улыбнулась.

— Хотя ваша мимика выдает интерес.

— Вы всегда общаетесь загадками?

— Только когда вижу, что пациенту нужно время, чтобы прийти в себя.

Марк провел ладонью по лицу. Абсурд происходящего достиг той точки невозврата, когда можно либо сбежать с позором, либо шагнуть в пропасть. Он сделал свой выбор еще три дня назад, когда ночью, задыхаясь от панической атаки на полу собственного офиса, набрал номер клиники.

Ему казалось, что он умирает.

А бесстрастный голос администратора ответил: «Доктор Воронцова примет вас в четверг. Приходите, если готовы не к разговорам».

— Что будет происходить сейчас? — спросил он, глядя прямо в глаза доктору.

— Сейчас мы запустим первый протокол.

— Уже? Я думал, мы начнем с бесед.

— Вы беседовали с психоаналитиками десять лет. Это научило вас красиво объяснять свою травму, но не избавило от нее. Мы работаем с телом.

Воронцова коснулась сенсорной панели на стене. Матовое стекло двери мгновенно стало прозрачным.

В коридоре стояли две женщины.

Тело Марка превратилось в натянутую струну.

Одна — высокая нордическая блондинка в медицинском костюме цвета мокрого асфальта, с холодной грацией балерины и рентгеновскими серыми глазами. Вторая — чуть ниже, с копной темных кудрей, теплой кожей и планшетом в

руках. Обе смотрели на него. Оценивающе. Профессионально. Так смотрят на хищника, которого собираются дрессировать.

— Это Анна, телесно-ориентированный терапевт, — ровно произнесла Воронцова. — И Лейла, клинический психолог. В рамках программы вы будете взаимодействовать с женским персоналом по строго заданным сценариям.

Сценарии.

Слово прозвучало сухо, но воздух в кабинете вдруг стал густым, как сироп.

— Они читали мое досье?

— Только необходимую часть.

— Необходимую для чего?

Воронцова повернулась к нему. В ее взгляде не было жалости.

— Для того, чтобы вас не сломать.

Марк хотел парировать: «А удовольствие вы причинять собираетесь?» — но прикусил язык. Эта дерзкая мысль была не его обычной игрой. Она вспыхнула где-то на самом дне, под слоями страха. И оттого испугала еще сильнее.

Воронцова заметила, как дрогнули его зрачки. Разумеется.

— Ваше возбуждение здесь не считается провалом, Марк, — сказала она так тихо, чтобы слышал только он. — Ваш страх — тоже. Единственным провалом будет ложь.

Марк сглотнул вязкую слюну.

Дверь открылась.

Анна вошла первой. Ее движения были пугающе плавными и бесшумными. Она остановилась точно на границе его личного пространства.

— Добрый вечер, Марк.

Он едва заметно кивнул.

— Добрый.

Голос прозвучал хрипло. Слишком напряженно.

Лейла вошла следом и молча замерла у двери, коснувшись стилусом экрана планшета.

Воронцова взяла кожаный браслет.

— Прежде чем мы начнем. Три железных правила. Первое: вы можете остановить любую сессию словом «красный». Процесс прекращается мгновенно, без объяснений. Второе: если вам нужно снизить интенсивность, вы говорите «желтый». Третье: здесь вам не нужно быть сильным, красивым или удобным. Ваша задача — просто быть собой.

Она протянула браслет Анне.

— Наденьте на него.

Это был еще не приказ ему. Но атмосфера в комнате неумовимо изменилась. Вектор власти сместился.

Анна сделала шаг вперед.

— Разрешите?

Одно слово. В нем было столько спокойного уважения, что Марк растерялся. И все же, когда ее прохладные пальцы коснулись его запястья, тело ударило током: мышцы све-

ло, бросило в жар, а в коленях появилась предательская слабость.

— Да, — выдохнул он.

Она застегнула стальной замок. Щелчок. Анна не задержала руки на его коже ни на долю секунды дольше необходимого, но Марк почувствовал это так остро, будто она провела раскаленной иглой по его внутренней броне.

— Хорошо, — голос Воронцовой разрезал наваждение. — А теперь снимите пиджак.

Вот оно.

Первый удар.

Не просьба. Указание.

Марк замер.

Пиджак был его защитой. Идеально скроенная итальянская шерсть, линия плеч, статус. Без него он становился видимым. А видимость для него означала уязвимость.

— Зачем? — процедил он, чувствуя, как колотится пульс в горле.

— Чтобы начать.

— Это не ответ.

— Это достаточный ответ для первого протокола.

Изнутри поднялась темная, удушливая волна. Не спорь. Хорошие мальчики подчиняются. Замолчи. Не позорь меня.

Ледяной кафель под ногами. Запах дешевого мыла. Мать, нависающая над ним, полная ярости от собственной несчастной жизни.

Марк закрыл глаза и судорожно втянул воздух сквозь зубы.

— Желтый, — вырвалось у него.

Тишина.

Никто не усмехнулся. Никто не закатил глаза. Анна плавно сделала шаг назад, давая ему пространство. Лейла сделала пометку в планшете. Воронцова кивнула с таким удовлетворением, будто он только что блестяще сдал сложный экзамен.

— Хорошо. Замедляемся, — ее голос стал мягче, обволакивающим. — Что сейчас происходит в теле, Марк?

Он ненавидел этот птичий язык психотерапевтов. И был бесконечно за него благодарен.

— Я... — он открыл глаза. Посмотрел на свой дорогой рукав, потом на доктора. — Я чувствую, что если сделаю это, то меня сотрут.

— А если не сделаете?

Марк горько усмехнулся.

— Тогда докажу, что меня нельзя прогнуть.

— Кто именно сейчас пытается вас прогнуть?

Ответ был очевиден. Она. Они. Эта комната.

Но слова застряли в горле.

Никто не повышал голос. Никто не стыдил его. Никто не держал его силой. Он сам стоял на краю своей персональной пропасти, вцепившись в нее мертвой хваткой.

— Никто, — наконец хрипло признался он.

Воронцова подошла вплотную.

— Марк. Я прошу вас снять пиджак не потому, что вы обязаны подчиниться. А потому, что вы пришли сюда узнать: может ли женская власть быть безопасной. Вы можете отказаться. Можете уйти. А можете выполнить. Любой выбор будет вашим.

Он смотрел в ее глаза. В них не было жажды самоутверждения. Не было голода. И все же власть, исходящая от нее, ощущалась физически — как жар от камина, к которому тянет в холодную ночь, но к которому опасно подходить вплотную.

Пальцы Марка легли на пуговицу. Медленное движение.

Ткань скользнула с плеч.

Анна приняла пиджак молча, бережно, словно это была сброшенная кожа. Марк остался в тонкой белой рубашке. Воздух клиники обжег спину прохладой.

Воронцова внимательно смотрела на его лицо. Ниже не опускалась. Это смущало даже больше, чем если бы она откровенно его разглядывала.

— Что вы чувствуете сейчас?

— Злость, — выплюнул он.

— На кого?

— На вас.

— Отлично.

— Почему «отлично»?

— Потому что злость означает, что вы все еще здесь. Не

замерзли. Не убежали в панику. Вы сражаетесь.

Она не глядя кивнула Анне.

— Протокол «Голос». Мягкий уровень. Базовое согласие. Во рту у Марка мгновенно пересохло.

Анна встала сбоку, не касаясь, но излучая тепло. Лейла застыла у двери. Три женщины. Три пары глаз. Три совершенно разные формы абсолютного внимания.

И он — человек, который всю жизнь строил железобетонные здания, чтобы не разрушиться самому.

— Марк, — позвала Воронцова.

Он вздрогнул.

— Смотрите мне в глаза.

Команда. Короткая. Невыносимая.

Он заставил себя поднять взгляд.

— Хорошо, — голос доктора вибрировал властью. — А теперь произнесите: «Я могу подчиниться и остаться собой».

Марк скривил губы.

— Это смешно. Я не буду читать мантры.

— Произнесите это.

Сердце ударило в ребра с такой силой, что потемнело в глазах.

В ее тоне не было грубости. В нем была лишь сталь — тонкая, гибкая, смертоносно красивая.

Вместе со страхом внутри Марка начала подниматься другая волна. Запретная. Горячая. Это не было примитивным желанием. Это было предвкушением. Словно тяжелая чугун-

ная дверь, которую он всю жизнь подпирал спиной, чуть открылась, и из-за нее пахнуло свежим ветром. Свободой, которой он боялся именно потому, что жаждал ее больше всего на свете.

— Я могу... — он запнулся. Воздуха не хватало.

Воронцова не торопила.

Анна рядом дышала в унисон с ним.

Весь мир сузился до этих нескольких слов.

— Я могу подчиниться, — хрипло, почти рыча, выдавил Марк. — И остаться собой.

Фраза прозвучала чужеродно.

А в следующую секунду — пророчески.

Свет в кабинете мягко приглушился — словно клиника сама сделала глубокий вдох перед тем, как погрузить его на глубину.

Доктор Воронцова улыбнулась. На этот раз — по-настоящему.

— Добро пожаловать в «Элизиум», Марк. А теперь мы начнем.

Слова повисли в воздухе, как невидимая петля. Он всё ещё чувствовал привкус фразы «Я могу подчиниться и остаться собой» на языке — горький, чужой, но отозвавшийся где-то глубоко внутри. Ноги словно вросли в паркет, а сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

— Анна, — негромко позвала Воронцова.

Телесный терапевт двинулась вперёд. Её шаги были почти

неслышны, но Марк ощущал каждое движение за спиной с пугающей чёткостью. Она остановилась прямо позади него, не прикасаясь, и от этого его плечи сами собой напряглись до боли.

— Расслабьтесь, Марк, — произнесла она ровным голосом. — Просто стойте. Дышите.

Простая команда. Невыполнимая. Его грудь сдавило, словно обручем, каждый вдох был коротким и резким, выдох — ещё короче.

— Не получается, — вырвалось раньше, чем он успел сдержаться.

— Желтый? — тут же спросила Воронцова.

Он заколебался. Признать это значило уступить, но ложь казалась ещё хуже.

— Нет. Просто... не могу.

— Сконцентрируйтесь на выдохе, — подала голос Лейла с другого конца комнаты. Её тон был мягче, почти обволакивающий. — Пусть он будет длиннее вдоха.

Марк попытался. Получилось жалко. Он чувствовал, как рубашка прилипла к спине от пота, а присутствие Анны за спиной стало почти осязаемым — как давление в воздухе, от которого невозможно укрыться.

— Вы привыкли контролировать всё, что находится перед вами, — спокойно заметила Воронцова, обходя его сбоку, чтобы оказаться в поле зрения. — Сейчас вы не видите того, кто сзади. Это естественно вызывает дискомфорт.

— Естественно для кого? — огрызнулся он.

— Для вашей нервной системы, которая воспринимает это как угрозу, — ответила она, не дрогнув. — Закройте глаза, Марк.

Он напрягся ещё сильнее.

— Нет.

— Почему?

— Я не хочу терять контроль.

— Вы его уже потеряли, когда начали дрожать, — парировала она. — Закройте глаза.

Внутри него разразилась битва. Каждая клетка тела кричала об опасности. Но где-то в самой глубине шевельнулось что-то другое — странное, почти болезненное любопытство. Он медленно опустил веки.

Темнота накрыла его, как вода. Остальные чувства взорвались: аромат духов Воронцовой стал резче — горьковатый ирис обжигал ноздри, скрип её каблучков отдавался в ушах, дыхание Анны за спиной казалось громче его собственного. И сердце — гулкий молот, от которого вибрировала каждая кость.

— Хорошо, — сказала Воронцова. — Просто дышите. Не пытайтесь управлять процессом. Наблюдайте.

Время растянулось. Марк чувствовал, как напряжение медленно сползает с груди на плечи, превращаясь в тупую боль. Он хотел открыть глаза, но упрямство не позволяло.

Потом он ощутил это. Легчайшее прикосновение к спине

— кончики пальцев Анны, едва касающиеся ткани рубашки. Не давя, словно изучая его реакцию.

Он вздрогнул всем телом.

— Желтый, — выдохнул он, не поднимая век.

Прикосновение исчезло так же быстро, как появилось.

— Что вы почувствовали? — спросила Воронцова.

— Будто меня трогают без спроса.

— А у вас был запрос на разрешение?

Он открыл глаза и встретил её взгляд.

— Нет, но...

— Но вы привыкли, что контроль всегда в ваших руках,

— закончила она за него. — Это часть работы.

Анна отступила. Облегчение смешалось с неожиданной пустотой, от которой Марк тут же почувствовал стыд.

— Следующий шаг, — продолжила Воронцова. — Вы будете выполнять простые инструкции без вопросов в моменте. Только «желтый» или «красный». Согласны?

Он колебался. Это звучало как полная капитуляция.

— Зачем это нужно?

— Чтобы вы научились отличать реальную опасность от дискомфорта, с которым вы можете справиться.

Марк шумно выдохнул.

— Ладно.

— Скажите: «Да, доктор Воронцова».

Слова дались ему с трудом, но он произнёс их:

— Да, доктор Воронцова.

Она едва кивнула.

— Повернитесь лицом к стене. Ладони на уровне плеч, ноги на ширине плеч. Спина прямая.

Он уставился на неё, чувствуя, как внутри поднимается протест.

— Вы издеваетесь?

— Это поза для осознанности. Выполняйте.

Каждый шаг к стене давался с усилием. Когда он коснулся прохладной поверхности ладонями, его тело мгновенно напряглось в этой откровенно уязвимой позиции — он не мог видеть, что происходит за спиной, и это было по самым глубоким страхам.

— Закройте глаза и стойте так. Дышите.

Он повиновался. Сердце снова пустилось в галоп. За спиной раздавались едва уловимые шорохи — кто-то двигался, и от этого по коже побежали мурашки. Его воображение рисовало кошмары.

— Вам хочется обернуться? — спросила Воронцова.

— Да.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что вы делаете.

— В обычной жизни вы бы это выяснили. Здесь — вы учитесь доверять.

Доверять. Это слово резало, как лезвие.

Внезапно он почувствовал что-то лёгкое у основания шеи — словно перышко скользнуло по коже. Он вздрогнул, но

глаза не открыл.

— Что это? — спросил он, сдерживая дрожь в голосе.

— Неважно. Продолжайте дышать.

Пытка. Его разум метался между паникой и диким, необъяснимым возбуждением. Он чувствовал, как каждый нерв натянут до предела.

— Желтый, — наконец выдавил он.

Прикосновение исчезло.

— Что вы себе представляли? — спросила Воронцова.

Он замялся, не желая признаваться.

— Я думал... что вы меня трогаете.

— И это скорее пугало или скорее интриговало?

Он резко обернулся, открыв глаза. Воронцова стояла в паре шагов, руки пусты. Анна наблюдала с нейтральным выражением лица.

— Вы манипулируете мной, — бросил он, задыхаясь от смеси злости и смущения.

— Нет, Марк. Мы лишь показываем вам ваши собственные реакции. Вы их создаёте сами.

Он отпрянул от стены, чувствуя, как горит лицо. Одежда вдруг стала слишком тесной.

— Это нечестно, — процедил он.

— Почему?

— Потому что вы знаете, где нажать.

— Да. И вы знаете, как закрыться. Но эта защита больше не работает. Поэтому вы здесь.

Марк провёл рукой по волосам, мокрым от пота. Он чувствовал себя раздетым догола.

Воронцова приблизилась — на этот раз вплотную, так что он ощущал её тепло. Она не отводила взгляда.

— Вы хотите остановиться? — спросила она тихо, почти интимно.

Он смотрел в её глаза, в которых не было ни торжества, ни жалости. Только непоколебимая решимость. И что-то ещё, чего он не мог назвать.

— Нет, — ответил он, удивляясь самому себе.

— Тогда продолжим. Но уже не в мягком режиме.

Её голос изменился. Сталь проступила явственнее, и это заставило его внутренне сжаться.

— Анна, — сказала она, не сводя с него глаз. — Подготовь его.

Анна подошла и протянула ему чёрный шелковый шарф. Он лежал на её ладони, как нечто зловещее.

— Завяжите ему глаза, — приказала Воронцова.

Марк замер, сердце ухнуло в пятки.

— Красный? — мгновенно спросила она, уловив его панику.

Он боролся с собой несколько секунд. Страх был оглушительным, но любопытство оказалось сильнее.

— Нет, — прошептал он. — Нет. Продолжайте.

Анна встала за его спиной. Он почувствовал её дыхание на шее, затем мягкая ткань коснулась век. Она завязала

шарф туго, но аккуратно, полностью отрезав его от мира.

Абсолютная темнота. Только собственное дыхание и стук дождя, ставший каким-то потусторонним.

— Не двигайся, — приказала Воронцова. Её голос теперь звучал совсем близко, у самого уха, и от этого по спине пробежала дрожь. — Ты не видишь. Не контролируешь. Но ты в безопасности. Если захочешь остановиться — скажи слово. А пока просто слушай и чувствуй.

Марк стоял, дрожа, как натянутая струна. Он не знал, что будет дальше, и впервые за многие годы это не пугало его так сильно, как должно было. Это было... странно освобождающе.

Внезапно чья-то рука взяла его за запястье — Анна, судя по прикосновению. Она медленно подняла его руку и разжала пальцы. Что-то лёгкое и прохладное легло на ладонь. Предмет был гладким, с мелкими неровностями, словно покрытый микроскопическими бугорками. Холодный, но не ледяной.

— Что ты чувствуешь? — голос Воронцовой звучал где-то перед ним.

— Не знаю... что-то гладкое, неправильной формы. Как камень, но очень гладкий.

— Опиши подробнее.

— Холодный. Лёгкий. Будто морская галька, но более округлая и... скользкая.

— Хорошо. Сожми его.

Он сжал пальцы. Предмет удобно поместился в кулаке, давая ему крошечный, но ощутимый якорь в темноте.

— Теперь отпусти.

Он разжал руку. Предмет упал на паркет с едва слышным стуком, который в тишине прозвучал как выстрел.

— Сядь, — скомандовала Воронцова.

Анна мягко направила его назад, и он опустил на стул. Руки лежали на коленях, шарф всё ещё закрывал глаза.

— Слушай слова, — сказала она. — Не отвечай. Просто наблюдай за тем, что происходит в теле.

Он кивнул.

— Мать.

Тело отреагировало мгновенно: горло сжалось, живот скрутило, кулаки непроизвольно стиснулись.

— Контроль.

Сердце забилось чаще, по спине побежал холодок.

— Подчинение.

Волна нахлынула целиком: стыд, паника и то самое тёмное, горячее чувство, которое он так долго отрицал.

— Доверие.

Напряжение стало иным — неуверенным, колеблющимся, как будто он стоял на краю обрыва.

— Слабость.

Внутри всё закипело от отвращения.

— Сила.

Он невольно выпрямился.

— Хватит, — сказала Воронцова. Она сняла шарф.

Свет резанул глаза, но Марк быстро привык. Доктор стояла перед ним, изучая его с непроницаемым выражением.

— Что ты заметил?

Он отвёл взгляд.

— Ничего существенного.

— Ложь, — мягко, но безапелляционно произнесла она.

Он сдался и посмотрел ей в глаза.

— Некоторые слова меня выбешивают. Другие... странно действуют.

— Какие «странно»?

Он промолчал.

Воронцова склонилась к нему:

— Твоё тело не врёт, Марк. Оно откликается. И в этом нет ничего постыдного.

Она выпрямилась.

— На сегодня достаточно.

Облегчение и разочарование накрыли его одновременно.

Анна вернула ему пиджак, и когда он его надел, привычная броня показалась ему чуть свободнее.

У выхода Лейла протянула ему плотный конверт.

— Домашнее задание, — сказала она с лёгкой улыбкой.

— Не открывай до дома и не читай вслух.

— Что внутри? — спросил он, уже зная, что ответа не получит.

— Узнаешь сам.

На улице дождь почти стих, оставив город блестящим и свежим. Марк стоял, не спеша вызывать такси, и с удивлением обнаружил, что его руки больше не дрожат. Он провёл пальцем по конверту в кармане, борясь с любопытством.

Дома он опустил в кресло, налил виски, но так и не пригубил. Наконец, вскрыв конверт, он достал карточку из плотного картона. Каллиграфическим почерком было выведено:

«Наблюдай.»

Ниже:

«В течение следующего часа записывай все моменты, когда ты ловишь себя на желании контролировать ситуацию. Без осуждения.»

Марк уставился на неё, чувствуя смесь раздражения и тревоги. Это казалось до абсурда простым. И невыносимо трудным.

Он включил таймер. Сначала — тишина. Затем пришло сообщение от партнёра с резкими требованиями. Рука сама потянулась ответить в привычном тоне — коротко, по-деловому, взяв управление в свои руки. Он записал это.

Потом полотенце на вешалке висело криво — и он тут же его поправил. Ещё одна запись.

Потом мысли о завтрашнем дне: он начал прокручивать сценарии, контролируя каждую мелочь. Страница быстро заполнялась.

Когда час истёк, он смотрел на список и чувствовал, как что-то внутри сдвинулось. Он никогда не осознавал, на-

сколько тотально управляет каждым аспектом своей жизни — даже теми, которые в этом не нуждаются.

Телефон зазвонил. Неизвестный номер. Он ответил.

— Марк Левин.

На другом конце повисла пауза. Затем раздался низкий, спокойный голос Воронцовой:

— Ты выполнил задание?

Он сглотнул.

— Да.

— И что ты заметил?

— Что я контролирую всё подряд. Даже бессмысленное.

— Хорошо, — сказала она. В её голосе прозвучало удовлетворение. — Это первый настоящий шаг. Спи спокойно, Марк. Завтра будет сложнее.

Линия оборвалась. Он сидел в темноте, сжимая телефон, и по спине пробежала дрожь — уже не от страха, а от предвкушения чего-то неизведанного. Что-то в нём треснуло. И впервые за очень долгое время он не хотел это чинить.

## Глава 2.

Ночной воздух Москвы после грозы казался густым, влажным и сладким, как дыхание спящей женщины. Марк вышел из тяжелых дверей особняка, и капли с деревьев сорвались ему на плечи, оставляя на дорогой шерсти пальто темные, как кровь, следы. Он не спешил к машине. Он стоял на блестящем от дождя тротуаре, и чувствовал, как под манжетой белой рубашки пульсирует вена — ровно там, где кожу плотно обхватывал кожаный браслет.

Это было странное, пьянящее чувство. Словно он выпил неразбавленного абсента. Впервые за долгие годы в его груди не было ледяного узла. Произнеся ту фразу — «я могу подчиниться и остаться собой», — он ожидал, что небеса рухнут, а его личность рассыплется в прах. Но он не умер. Напротив, он словно сбросил тесный панцирь.

На следующий день в своем архитектурном бюро, царстве стекла, стали и прямых углов, Марк парил над реальностью. Он проводил совещания с грацией сытого леопарда. Его голос звучал мягче, но в этой мягкости крылась непоколебимая, почти животная уверенность. Женщины-коллеги бросали на него долгие, замороженные взгляды, инстинктивно улавливая исходящий от него жар. Марку казалось, что он разгадал секрет «Элизиума». Он считал, что доктор Воронцова просто вскрыла его заблокированную мужскую энер-

гию, и теперь он, как истинный архитектор, может взять эту энергию под свой тотальный контроль. Терапия казалась ему пройденной игрой. Задачей, которую он блестяще решил, обратив метод против самого терапевта.

Когда наступил вечер четверга, он вернулся в клинику. Но теперь он шел туда не как сломанный пациент. Он шел туда как завоеватель.

Он не надел галстук, позволив себе легкую, тщательно выверенную небрежность: расстегнутые верхние пуговицы сорочки открывали сильную линию шеи, а костюм цвета графита сидел так, словно был второй кожей. В руках он держал не медицинскую карту, а тяжелый бархатный футляр с редким сортом орхидеи «Черная жемчужина» — изысканный, почти интимный жест, стирающий грань между клиникой и будуаром.

Двери кабинета бесшумно раздвинулись. Залитое янтарным светом скрытых ламп пространство казалось теплым и обволакивающим. В воздухе плыл тот же аромат горького ириса и мускуса — запах ее тела, ставший для него магнитом.

Елена Воронцова стояла у панорамного окна, повернувшись к нему спиной. Белый халат сегодня был накинут на ее плечи поверх платья из тяжелого темного шелка, которое струилось по изгибам ее фигуры, как ночная река.

— Добрый вечер, доктор, — произнес Марк. Его голос вибрировал низкими, бархатными обертонами. Это был го-

лос мужчины, привыкшего соблазнять одним тембром.

Она медленно обернулась. В ее темных глазах не было ни удивления, ни приветливости. Только глубокая, спокойная бездна.

— Вы пришли раньше назначенного времени, Марк.

— Я решил, что сегодня мы можем отойти от строгих протоколов, — он сделал несколько шагов вперед, двигаясь плавно, заполняя собой пространство комнаты. Он поставил футляр с орхидеей на край ее стола. Темный цветок, влажный и хищный, выглядел в стерильном кабинете как вызов. — Я чувствую себя превосходно. Ваша методика... она работает. Но мне кажется, суть не в слепом подчинении. Суть в обмене энергией. И я хотел бы отблагодарить вас.

Он продолжал сокращать дистанцию. Шаг за шагом. Он наслаждался этой игрой. Он наблюдал за тем, как свет играет на ее ключицах, как едва заметно вздымается ее грудь под шелком. Марк знал эту геометрию желания наизусть. Обычно на этом этапе женщины начинали опускать взгляд, их дыхание сбивалось, а власть незаметно перетекала в его руки. Он соблазнял ее, чтобы обезоружить. Он хотел доказать, что может возбудить ее, оставаясь хозяином положения.

Воронцова не отступила ни на миллиметр. Она позволила ему приблизиться вплотную — так близко, что тепло их тел смешалось в одну пульсирующую ауру. Марк смотрел на ее губы. Его собственная кровь начала гудеть в ушах, тяжелея в паху. Возбуждение, которое он испытывал от своей дерзо-

сти, было одурманивающим.

— Вы считаете, что разгадали меня, Марк? — ее голос прозвучал тихо, почти интимно, но в нем не было ни капли женской капитуляции.

— Я считаю, что мы оба взрослые люди, Елена, — он впервые назвал ее по имени, намеренно стирая границы. Его рука медленно поднялась. Длинные, красивые пальцы архитектора зависли в миллиметре от воротника ее белого халата. Он собирался коснуться ее шеи, подтвердить свое превосходство, завершить этот танец. Воздух между ними стал плотным, как раскаленный мед.

Она смотрела прямо ему в глаза. Ее взгляд был невыносимо ясным. В нем отражалась вся его мужская гордыня, вся его тщательно выстроенная фальшь.

А затем, не меняя выражения лица, не повышая тона, она мягко перехватила его запястье. Ее пальцы были прохладными и удивительно сильными. Она не оттолкнула его руку. Она просто удержала ее, лишив Марка возможности двигаться дальше.

— Снимите свою маску, Марк, — прошептала она, и ее дыхание обожгло его подбородок. — Здесь она вам не поможет.

Он попытался улыбнуться своей фирменной, обезоруживающей улыбкой, попытался высвободить руку, чтобы превратить это в игру, но ее хватка стала жестче. Металлическая пластина его браслета впилась ему в кожу.

— На колени, — произнесла она.

Два слова. Никакого гнева. Никакой угрозы. Лишь абсолютная, непоколебимая, первобытная власть, от которой не было спасения.

Время остановилось. Разум Марка, его блестящий, контролирующий всё на свете интеллект, закричал от возмущения. Ты генеральный директор. Ты мужчина. Ты не сделаешь этого.

Но его тело ему уже не принадлежало. Тело помнило этот голос. Тело жаждало этого голоса. Защитный панцирь из обаяния и высокомерия, который он выстраивал десятилетиями, лопнул, как тонкий хрусталь под ударом молота.

Его колени подкосились.

Это не было падением по принуждению. Это было гравитацией желания. Марк медленно осел вниз, чувствуя, как дорогой шелк брюк трется о кожу. Коленные чашечки глухо ударились о темный дубовый паркет.

Он оказался у ее ног.

Воздух вырвался из его легких с хриплым, рваным звуком, похожим на стон. Мир внезапно изменил свои пропорции. С этой точки зрения кабинет казался огромным, а она — возвышающейся над ним непреодолимой стихией. На уровне его лица находился лишь край ее черного платья и острые носы туфель. От нее пахло теплой кожей.

— Руки за спину, — прозвучала следующая команда, стекая на него сверху, как густое масло.

Марк зажмурился. Его сердце колотилось так сильно, что отдавалось болью в ребрах. Он завел дрожащие руки за спину, переплетая пальцы, чтобы удержать их от инстинктивного желания найти опору. Он был абсолютно беззащитен. Открыт. Низвергнут с пьедестала своего фальшивого контроля.

И в эту секунду его накрыло нечто невероятное.

Вместо ожидаемого стыда, вместо паники, которая всегда душила его в детстве при столкновении с властью, он почувствовал обжигающую, ослепительную волну чистейшего эротического наслаждения. Это было не просто физическое возбуждение, заставляющее его плоть напрягаться до боли. Это был экстаз подчинения, он получил истинное удовольствие.

С его плеч словно сняли бетонную плиту, которую он нес всю жизнь. Ему больше не нужно было быть самым сильным в комнате. Ему не нужно было очаровывать, рассчитывать ходы, защищаться от нападения. За него решили всё. Он был вещью. Он был пластилином в ее руках. И в этой тотальной капитуляции крылась абсолютная, парадоксальная свобода.

Марк дышал тяжело, ртом, не в силах открыть глаза. По его виску скатилась капля пота. Он весь горел, словно в лихорадке, балансируя на острие между психологическим крахом и животным блаженством.

В наступившей тишине он услышал легкий шорох. Воронцова опустилась на корточки, оказавшись с ним лицом к лицу. Ее прохладные пальцы приподняли его подбородок, за-

ставляя распахнуть веки.

Ее лицо было близко. В ее глазах не было торжества победительницы. В них было глубокое, почти нежное понимание. Она видела его насквозь — его возбуждение, его беспомощность, его разрушенное эго.

Она медленно провела большим пальцем по его нижней губе. Прикосновение было легким, как взмах крыла бабочки, но от него по телу Марка прошел электрический разряд, заставивший его глухо простонать.

— Вы пытались соблазнить меня, чтобы не столкнуться со своим страхом, — ее шепот проникал прямо ему в кровь. — Это было красиво, Марк. Но совершенно бесполезно. Истинное удовольствие начинается там, где заканчивается ваш контроль.

Она убрала руку. Тепло ее кожи исчезло, оставив его изнывать от жажды нового прикосновения.

— Вы останетесь в этой позе, пока я не разрешу вам встать, — произнесла она, выпрямляясь. — И пока вы стоите на коленях, вы будете думать о том, как приятно не принимать никаких решений.

Она развернулась и отошла к своему столу, оставив его стоять посреди комнаты. За спиной Марка хлопнула дверь — в кабинет бесшумно вошла Анна, но он не смел повернуть голову.

Он остался на коленях, стора от стыда и невыносимого, пульсирующего сладострастия, понимая с кристальной ясно-

стью: ловушка захлопнулась. Он больше не хотел быть свободным. Он хотел принадлежать этой власти без остатка.

«Встаньте», — голос Елены Воронцовой прозвучал негромко, но в его бархатных обертонах крылась сила, способная сдвигать тектонические плиты.

Марк повиновался. Его тело, еще минуту назад казавшееся тяжелым, отлитым из неподатливого свинца, теперь ощущалось легким, почти невесомым, словно он был марионеткой, чьи нити наконец-то натянулись в умелых руках. Он поднялся с колен, тяжело дыша, не смея поднять глаз на женщину, которая только что разрушила фундамент его мужской гордыни.

Она кивнула в сторону ниши, скрытой за раздвижными панелями из матового стекла. Панели бесшумно разъехались, открывая вход в смежную комнату. Здесь не было панорамных окон и городских огней. Это было святилище теней. Полумрак, рассеиваемый лишь скрытой подсветкой цвета теплого янтаря, густой запах сандала и мускуса, и в центре — широкая терапевтическая кушетка, обитая черной матовой кожей.

— Анна, — произнесла Елена.

Из тени, словно сотканная из самого полумрака, выступила Анна. Ее движения были лишены той резкой, расчетливой суеты, которая так раздражала Марка в деловом мире. Она двигалась с грацией жрицы, готовящей алтарь.

— Снимите рубашку, Марк, — велела Анна. Впервые он

услышал ее голос так близко: спокойный, прохладный, как вода из глубокого колодца.

Его пальцы, привыкшие с хирургической точностью подписывать многомиллионные контракты, дрогнули, расстегивая пуговицы дорогого сорочечного хлопка. Ткань соскользнула с плеч, обнажая его сильную, тренированную грудь. Он остался полураздетым, чувствуя себя так, словно с него сняли не одежду, а саму кожу. Ощущение собственной наготы перед этими двумя полностью одетыми, властными женщинами было одурманивающим. Оно обостряло все рецепторы, заставляя воздух казаться плотным, почти осязаемым.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.